

А.Б.

Рыжая тяжелая кошка

Когда текст этой книги был готов примерно наполовину, я встретил — опускаю подробности — человека, который, узнав о моем интересе, сказал, что у него для меня есть "кое-что".

За полгода до этого он похоронил свою жену, оставившую после себя тринадцать толстых тетрадей (вроде "амбарных книг"), исписанных мелким, но изящным почерком. Эта женщина, некая Ирина Полубояринова, когда-то училась с Аллой Пугачевой в одной школе — только на несколько классов старше. Алла с ней даже не общалась. Полубояринова (фамилия по мужу — девичьей я не знаю) как-то услышала фразу пятиклассницы Аллы, произнесенную шепотом в школьном коридоре одной близкой подружке: "Меня прислали на Землю оттуда" и осторожно показала пальцем вверх. С этого момента впечатлительная Полубояринова стала тенью Пугачевой — повсюду незаметно следовала за ней, уверившись в ее "космической миссии", и в общем-то не ошиблась. Работала уборщицей, вахтершей — бог знает кем — но обязательно в непосредственной близости от Аллы. При этом ни разу себя на "рассекретила". Таких людей обычно просто не замечают, а потому они слышат, видят и знают более многих. Все это время Полубояринова заполняла свои амбарные книги — "отчитывалась" за каждый шаг Пугачевой. Единственное, что было ей не под силу — сопроводить Аллу во время зарубежных поездок.

Полубояринова умерла от гипертонической болезни. Незадолго до смерти она попросила мужа дать ее тринадцать тетрадей человеку, который будет писать книгу о Пугачевой. Дать — но только на тринадцать часов. А потом уничтожить.

Когда я услышал это, то стал убеждать вдовца в абсурдности этого условия — ну что за дешевый детектив? Но без толку. У меня был всего один день, в течение которого пришлось судорожно делать какие-то выписки в присутствии этого человека. Поскольку вся ситуация была очень странной, многие факты из тайных черновиков Полубояриновой я стал проверять. Все они подтвердились, и тогда я решил, поправив стилистику, использовать эти цитаты в своей книге.

Алексей БЕЛЯКОВ.

из лучших "доперестроечных" материалов про Пугачеву. Именно здесь автор назвал ее "рыжей тяжелой кошкой").

Номер в гостинице "Прибалтийская"

— Здравствуйте, девочки! — Алла стремительно шла по холлу гостиницы "Прибалтийская".

— Ой, Алла Борисовна! — засуетились дамы из службы размещения. — А мы вас ждали! Вы же вчера должны были приехать.

— Ну, а приехала сегодня! Что бы сильнее соскучились! — Пугачева засмеялась. — Ну, где ключики от моего любимого номера? Дамы замаялись. Тогда вперед выступила Байкова, начальник службы размещения:

— Алла Борисовна! Мы вам предоставим точно такой же номер — только не на одиннадцатом, а на двенадцатом этаже.

— Это еще почему? — повела плечом Пугачева.

— Тот номер уже занят.

— Кем же это он, интересно, занят?

— Человеком.

— Каким таким человеком?

— Ну какая разница? Он приехал раньше, и я отдала ему этот номер. Вы же опоздали...

— Что значит опоздала? — Пугачева окинула взглядом присутствующих, будто приглашая оценить всю нелепость такого высказывания. -- Вы должны были оставить этот номер за мной, даже если бы я приехала через месяц!

— Ничего подобного! Согласно инструкции...

— Да какие к черту инструкции! Где эти ваши инструкции, когда вы шлюх по ночам сюда пускаете? Проститутки у вас себя чувствуют вольготнее, чем артисты!

Байкова багровела, но не уступала. Алла Борисовна кричала все громче, и этот голос в гулком холле звучал устрашающе.

"Она уже не выбирала выражений, — пишет Полубояринова, — лишь бы заставить замолчать Байкову. Однако та, с трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на такой же крик, часто дышала и продолжала что-то доказывать. Но ее никто не мог расслышать. И тут Пугачева свистнула.

Молодежный сержант милиции, стоявший у входа, топтался, не зная, что делать, а услышав свист, чуть присел. Потом — бочком, бочком, поспешил укрыться в комнате дежурного".

...В конце августа 1987 года Алла вместе со своим давним приятелем из Германии Удо Линденбергом давала в Ленинградском спортивно-концертном комплексе им. Ленина два концерта под девизом "За безядерный мир к 2000 году". Это была большая программа, в которой помимо двух центральных фигур участвовали и другие артисты, в том числе, разумеется, и Кузьмин.

Пугачева действительно приехала на день позже и потому, в частности, не успела на пресс-конференцию, где журналисты довольствовались лишь общением с малоизвестным им Линденбергом. (В ходе пресс-конференции западногерманский гость почему-то вдруг пожелал здоровья и успехов Эрику Хонеккеру, главному коммунисту ГДР).

После первого концерта Пугачева со всей своей командой отправилась поужинать в модный тогда ресторан "Тройка", где управлял ее добрый знакомый по имени Вольдемар. Кстати, перед той эпохальной сценой накануне в холле "Прибалтий-

кой" Алла Борисовна тоже была в "Тройке", так что на ее экспрессивность, возможно, повлияли и спиртные напитки, употребленные за обедом.

Посреди ужина Вольдемара — а он сидел за столом со всей компанией — позвали к телефону. Через несколько минут ресторатор вернулся:

— Алла, тут не очень хорошие дела...

— Что за дела? — оживилась Пугачева.

— Сейчас звонили из "Вечернего Ленинграда" — там набраны гранки статьи про тебя.

— Ну, и замечательно!

— Нет, там не про концерт, а про историю с этой теткой в гостинице.

— Как быстро. Молодцы. И что пишут?

— Ну, пишут, "скандал", "распоясалась" и так далее. Эти ребята из газеты сказали, что попытаются статью задержать.

— Не-ет! — Пугачева решительно помотала в воздухе рукой. — Пусть печатают! Давненько скандалов со мной не было. Что-то я стала слишком великой, просто как памятник какой-то. Пусть печатают!

Непростые взаимоотношения Аллы Борисовны со всевозможными работниками сервиса достойны отдельной брошюры.

Обычно Пугачеву лишь забавляет, когда кто-то из обслуживающего персонала старательно играет холодное безразличие к персоне звезды. Когда гремят ключами, запирают двери перед носом, уносят со стола посуду без лишнего вопроса, а иной раз при оформлении своих бумажек спрашивают имя и фамилию.

Когда Алла Борисовна сталкивается с подобными проявлениями, то, как правило, начинает громко комментировать с глумливыми интонациями:

— И правильно! А то расселись тут, куклы разукрашенные! Ходят тут, работать мешают! Вон — натопали, а человек с утра до ночи за ними с тряпкой должен ходить!

Но бывают и особые случаи. Например, однажды кто-то пригласил ее поужинать в ресторан Центрального дома литераторов. Она приехала к назначенному часу, но приглашавшего у входа, как было условлено, не обнаружила. (Позднее выяснилось, что этот человек просто забыл о встрече с Аллой Пугачевой. Бывают же такие люди!)

Чтобы не стоять понапрасну, Пугачева решила пройти в ресторан и там уже дожидаться "кавалера". Как только она миновала дубовые двери дома литераторов, к ней подскочила вахтерша:

— Та-а-а! Ваш членский билет, пожалуйста!

— Какой еще билет?

— Члена Союза писателей.

— Да вы что? Посмотрите на меня внимательно!

— Чего мне на вас смотреть?

— Так, ладно, дайте мне пройти в ресторан.

— Я не могу пустить в ресторан любую девицу с улицы! Пугачева тихо выругалась и стремительно вышла из ЦДЛ.

"Она поехала в другой ресторан, — пишет Полубояринова. — Посидела там и, вероятно, с расстройством употребила чуть больше алкоголя, чем собиралась. На обратном пути ей вдруг захотелось вернуться в ЦДЛ. Она пошла хитро и на этот раз прошла в писательский ресторан через другой вход, чтобы больше не препираться с вахтершей. Но та откуда-то прознала, что Пугачева уже сидит здесь, и бросилась к

ней. Вахтерша стала снова требовать, чтобы "девушка без членского билета" покинула ЦДЛ. Тогда Пугачева в ярости вскочила и с размаху заехала той по лицу. С вахтерши слетели очки и упали на пол. Пугачева бросила на стол пачку денег, сказав: "Купи себе другие!", и ушла".

После скандала в "Прибалтийской" одной статьей дело не ограничилось. В милиции было заведено уголовное дело. Как уверяют очевидцы, телефон в том номере гостиницы, где поселилась Пугачева, прослушивался.

"Весь следующий день мы сидели, — вспоминает Болдин, — и каждый час слушали по радио объявления о "хулиганских действиях", которые шли по каналам ТАСС. Будто ракету в космос запустили. Алла была в шоке".

Ленинградская пресса настойчиво одаривала публику статьями с заголовками "Стоп! кинулись со "звездой", "Звезда" распоясалась", "Москоу рок" в миноре"...

"Первая жертва гласности"

Автор одного из материалов в том же "Вечернем Ленинграде", посвященных не скандалу, а собственно концертам, воздавал неумеренные почести Линденбергу, заставлявшему зрителей задуматься о "больных вопросах современности", и добавлял на контрасте: "А наши певцы развлекали почтеннейшую публику. И Владимир Кузьмин, хороший гитарист, и Владимир Пресняков, отчего-то поющий не своим голосом, но виртуозно танцующий... И Пугачева пела тоже все привычное, слышанное — из старого репертуара... За исключением, пожалуй, только "Москоу рока", который она исполнила вместе с Удо..."

Потом автор делал выводы: "Это была не музыка для души... Она не сближала людей... Это было шоу, коммерческое шоу".

Завершалась статья следующими опасениями: "Вскоре Алла Пугачева вместе с Удо Линденбергом будет давать грандиозные концерты под открытым небом в ФРГ и Швейцарии. Но что она будет исполнять в тех программах? Неужели все те же незатейливые песенки?"

Болдин уверен, что вся эта кампания началась по указанию одного из руководителей Ленинграда, не терпевшего Пугачеву. Другие люди говорили мне, что Байкова оказалась другом семьи Григория Васильевича Романова, который до 83-го года был первым секретарем Ленинградского обкома КПСС, а до 85-го оставался членом Политбюро ЦК.

"Несколько дней, — продолжает Болдин, — мы пребывали в бездействии. Потом начали совершать ответные поступки. Три месяца я потратил на то, чтобы не только опровергнуть всю эту информацию, но и запустить машину в обратную сторону. Сперва мы пошли в отдел культуры ЦК. Там нам сказали: "Мы ничего не знаем, никаких действий не предпринимает, разбирайтесь сами". Тогда я пошел в Министерство юстиции, в Союзную прокуратуру, еще Бог знает куда. Уголовное дело удалось закрыть. Но еще оставалась пресса".

Пугачеву успокаивали, говоря, что она стала одной из первых жертв гласности и с этим надо мириться, однако то было слабое утешение. Ей советовали обратиться напрямую к Яковлеву, чтобы он как-то защитил ее от травли, как теперь выясняется, главный идеолог перестрой-

ки и сам уже кое-что сделал.

"Я тогда разозлился здорово, — говорит Александр Николаевич. — Пугачеву мне стало просто по-человечески жалко. Я звонил в Ленинград, стыдил людей. Я объяснял им, что мне все равно — ругалась она там или, может, дралась — но так травить нельзя. По моей инициативе тогда стали появляться ответы в других газетах".

Уехать или остаться?

...После "Прибалтийской" истерзанная прессой Алла Борисовна решила покинуть страну. Это не составляло большого труда, поскольку в сентябре она должна была выступать в Швейцарии, а на ноябрь были запланированы большие гастроли по Индии. (Там, кстати, ее приезд будет сопровождать такой ажиотаж, что мобилизуют все силы полиции, дабы сдержать эмоции меломанов-индусов). За эти несколько месяцев можно было тщательно образом все подготовить, даже несмотря на неизменное присутствие поблизости сотрудника КГБ. Да, в конце концов, чем бы он смог помешать?

Весь тот год она провела фактически за рубежом. Зимой выступала в Сан-Ремо на знаменитом фестивале, после чего гастролеровала в ставших уже чуть ли не родными Швеции и Финляндии, в мае на грандиозном концерте в Вене спела дуэтом с Барри Мэнлоу (а помогал им огромный хор). Потом летом отправилась в Японию, где ее называли Арра (звук "и" нет в японской фонетике). Там уже давно все было без ума от песни "Миллион алых роз", которая своей мелодикой улаживала уши японцев. На одном из концертов "Арра" Пугачева исполнила эту песню на японском языке вместе со здешней эстрадной примой Токито Като.

А здесь, на родине, в нее полетели "моченые яблоки" замечток, статей, сообщений ТАСС, миллиейских протоколов, чиновничьих поучений.

Позже она признавалась: "Я собиралась уехать, но у меня был долг — несколько концертов в Сочи. Ну, ладно, думала я, выйду на сцену в последний раз..."

Причем всего год назад в одном из интервью после зарубежных гастролов Алла Борисовна говорила:

— Западнее журналисты осведомлены, что меня часто ругают, критикуют, поэтому они никак не могли понять, что меня удивляло в СССР. Но я — неразрывное целое со своей Родиной, с нашей социалистической отчизной, вырастившей и воспитавшей меня, и мне никогда не придет в голову покинуть ее.

Теперь пришло.

Перед первым выступлением в Сочи (как много у нее оказалось связано с этим курортным городом!) Пугачева была близка к истерике: просто боялась идти к зрителям. Она слышала гул зала, ходила взад-вперед за кулисами, ломая руки, и что-то бормотала. Подходили недоуменные музыканты:

— Алла, так мы начинаем?

— Ой, нет, подождите.

— Полчасика уже ждем.

— Ой, отстаньте... Скажите, что я заблелась... Что концерта не будет...

Ее буквально выпихнули на сцену.

Едва она появилась на сцене, весь зал встал и принял неистово аплодировать. Пугачева минут пять растерянно улыбалась и не могла начать песню.

53 билета или аншлаг?

И вот "Олимпиада".

Ей сперва предлагали петь на французском. Она сказала: — Я могу на французском, могу на английском и даже немецком, но какой в этом смысл? Мы же не просили "Бони М" петь по-русски...

Поэтому решили, что каждую песню переводчик будет предвирать ее кратким содержанием.

Чуть ли не половину "Рецитала" опять не выпустили из СССР. Пришлось договариваться со здешними. Рекламы почему-то не было почти никакой.

Перед концертом Пугачева ходила за кулисами (она всегда перед тем, как выбежать на сцену, нервно ходит куда-то по прямой, встряхивая суставы рук) и бормотала:

— Ой, эта попытка никогда не кончится... Ох, ну скоро уже? Потом тихонько выговаривала сквозь щелочку в зал:

— Рассаживаются... Ох, ну как же долго они рассаживаются... Чего тянуть-то?

...Во время концерта, когда пела "Маззтро", она вдруг почувствовала, что еще чуть-чуть и — взмоет над огромным залом, раскинув руки.

Уходя под овации со сцены, отпев три положенных двух часов — трю, она произнесла фразу, которой, как правило, заканчивала выступления на родине:

— Если что-нибудь осталось в ваших сердцах, то большею наградой я и не желаю! — и простилась на французский лад: "Адю".

После концерта она не могла спокойно сесть в своей гримерке: тут собралась разноязычная толпа. Ее поздравляли, целовали, засыпали цветами.

Прибежал директор "Олимпиады" Жан-Мишель Борис, сплсал на радостях "цыганочку" и потребовал тут же принести шампанское.

Через пару дней в Москве один известный композитор объявил во всеуслышание, что на Пугачеву в "Олимпиаде" было продано всего 53 билета. Позор!

Справедливость восстановила, как ни странно, главная телепрограмма страны "Время": там был показан репортаж из Парижа, и вся страна увидела, что Пугачева пела при полном аншлаге.

В том же году она еще выступала в Италии. Сначала в каком-то маленьком городе. Устроители концерта не хотели особо рисковать, приглашая никому не известную русскую певицу, поэтому для подстраховки в первом отделении пел какой-то местный кумир.

Потом вышла она со словами:

— Ну, голубчики, сейчас я вам покажу!

После ее выступления тот итальянец стеснялся выходить на сцену для общего финального поклона.

"Я его вызываю: "Дружба народов!" — вспоминала Пугачева. — И он выходит — в своей бабочке, такой весь тоненький, такая конфетка, такая раковая шейка... (Цитирую по статье А. Поликовского "Олимпиада" мимолетная" в "Ровеснике" за июнь 1983 года. Кстати, то был один

Фрагменты из только что вышедшего романа-биографии: Алексей Беляков. "Алла, Аллочка, Алла Борисовна". М., Вагриус, 1997. Публикуется с разрешения издательства. (С сокращениями. Заголовки даны редакцией)